

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.112.2'276 : 37.02
doi: 10.17223/19996195/73/1

Вариативность немецкого языка в дидактическом аспекте

Надежда Александровна Голубева¹

¹ *Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, nagol@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования, выполненного в рамках междисциплинарного подхода, в связке когнитивной социолингвистики и лингводидактики. Актуальность работы определяется рассмотрением социальной функции языкового знака как общей для двух важнейших языковых функций (коммуникативной и когнитивной) и выступающей релевантной дидактической доминантой как для социолингвистики, так и для лингводидактики. Обсуждению подлежат философско-языковедческие постулаты о социальной функции языка и науки в целом и социолингвистические идеи ведущих отечественных и зарубежных ученых XX–XXI вв., на которых базируется исследование.

Когнитивная социолингвистика обосновывается в статье как «лингвистика социальных смыслов». Ее объектом является «социальная когниция» как социально обусловленные процесс и результат познания, отраженные в языке. Понимание социальной когниции предлагается в русле вариационизма в немецком языке, что указывает на новизну предпринимаемого научного поиска. Автор постулирует социальную функцию языка как передающую социальные смыслы, которые отражают взаимовлияние общества и языка. Социальная функция языка рассматривается как методологическая установка вариологии.

Целью статьи является моделирование социального знания о языке и в языке через анализ и описание теоретических положений, лингвистических терминов как форматов знания и конкретных языковых форм в стилистическом аспекте, указывающих на тесную связь лингвистики социальных смыслов с лингводидактикой, что и подчеркивает теоретическую значимость работы. Теоретическая задача исследования заключается в объяснении концептуальных основ языковой вариативности в плане «чистой науки» и на примере конкретных речевых образцов в плане «прикладной науки». Автор показывает это на реализации фундаментального принципа взаимообусловленности трех важнейших дидактико-языковедческих страт при их описании – изучения современного языка с позиций языковой нормы, исследования языковой вариативности и анализа изменения языка в рамках его исторического развития. Данный принцип обозначил на современном этапе поле исследования языковой вариативности в национальном, европейском и мировом масштабе.

В предмет научной дискуссии вовлечены такие ключевые термины когнитивистики, как *смысл, значение, когнитивная база, контекст, языковое сознание* и др. Постулируется обусловленность речевых действий и поступков говорящего когнитивной базой в виде коллективного и (или) индивидуального социально-

стратифицированного знания. Показывается, что социально-стратифицированное знание обуславливает вариативность разных языковых уровней и подлежит моделированию. Такой когнитивной моделью является формат социально-стратифицированного знания, репрезентируемый лингвистической терминологией и стоящими за терминами понятиями. Подчеркивается, что наряду с коллективной моделью вариативности имеет место индивидуальная модель вариативности. Отдельный фокус внимания направлен на когнитивно-тематическую область исторической терминологии. Анализ структуры этой модели раскрывает понимание терминов *горизонтальная* и *вертикальная* вариация, ориентирует на выделение диалектов, социо- и региолектов, островных языков и особых форм существования языка, чувствительных к их социальной обусловленности. Автор обосновывает приоритет определенных страт знания нормы и «сигнальных» социокогнитивных признаков отступления от нее.

Дидактическая часть статьи как «прикладная» часть науки посвящена обоснованию статуса стилистики как дисциплины для изучения социальных смыслов в языке. Дается лексикографическая объективация вариативности слова в ментальном лексиконе, варьирование слова предстает как социолингвистическая переменная в разных формах существования языка, в том числе отражающих его историческое развитие. Анализ конкретных речевых образцов показывает, что в диалекте в сравнении с литературным языком проступает более четкая рефлексия окружающего мира, которая выражается в понятийной дифференциации в видородовых семантических отношениях.

Дидактически важным предметом отражения социального знания в языке выступают стилистические фигуры. При общей функции экспрессии они выполняют особые когнитивные функции. В статье сформулирован главный референциально-когнитивный критерий вариации. Он гласит, что вариация языкового выражения покоится на отношении к одному и тому же денотату. Можно говорить о логико-структурных параметрах вариации с выделением четырех способов их изменения – субституция (замена), комбинация (упорядочение), сложение (добавление), элиминация (опущение). Автор представляет классификацию стилистических фигур, характерных для первого параметра изменения – субституции. Для стилистики релевантными фигурами субституции являются тропы. Они передают общее понятие фигур замены в ее разновидностях переделывания выражений и оборотов речи, перестановок и смысловых переносов.

Особую практическую значимость исследованию может придать рассмотрение социолингвистических идей, связанных с варьированием речи для решения проблем языковой политики, языковой безопасности, бесконфликтной коммуникации и сохранения национальной идентичности, в разработке которых автор статьи видит перспективу исследования.

Ключевые слова: вариативность, логико-структурные параметры вариации, модель знания, социально-стратифицированное языковое знание, социальный смысл, стилистика, языковое сознание

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Вариационная система как структурно-значимый аспект естественного языка») (FSWZ-2024-0001).

Для цитирования: Голубева Н.А. Вариативность немецкого языка в дидактическом аспекте // Язык и культура. 2026. № 73. С. 8–25. doi: 10.17223/19996195/73/1

Original article

doi: 10.17223/19996195/73/1

The variability of the German language in the didactic aspect

Nadezhda A. Golubeva¹

¹ *Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, nagol@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of a study carried out within the framework of an interdisciplinary approach, combined with cognitive sociolinguistics and linguodidactics. The relevance of this article is determined by the consideration of the social function of the linguistic sign as common to the two most important linguistic functions (communicative and cognitive) and acting as a relevant didactic dominant for both sociolinguistics and linguodidactics. Philosophical and linguistic postulates about the social function of language and science in general and sociolinguistic ideas of leading Russian and foreign scientists of the XX–XXI centuries, on which the research is based, are subject to discussion. Cognitive sociolinguistics is justified in the article as "linguistics of social meanings". Its object is "social cognition" as a socially determined process and result of cognition reflected in language. The understanding of social cognition is proposed in line with variationism in German, which indicates the novelty of the scientific search being undertaken. The author postulates the social function of language as conveying social meanings that reflect the mutual influence of society and language. The social function of language is considered as a methodological setting of variology.

The purpose of this article is to model social knowledge about and in language through the analysis and description of theoretical propositions, linguistic terms as knowledge formats and specific linguistic forms in the stylistic aspect, indicating the close relationship of linguistics of social meanings with linguodidactics, which in turn emphasizes the theoretical significance of the article. The theoretical objective of the study is to explain the conceptual foundations of linguistic variability in terms of "pure science" and using the example of specific speech patterns in terms of "applied science". The author shows this by implementing the fundamental principle of the interdependence of the three most important didactic and linguistic strata in their description – the study of modern language from the perspective of linguistic norms, the study of linguistic variability and the analysis of language change in the framework of its historical development. At the present stage, this principle has defined the field of research of linguistic variability on a national, European and global scale.

The subject of scientific discussion involves such key terms of cognitive science as *meaning, significance, cognitive base, context, linguistic consciousness*, etc. The article postulates that the speaker's speech actions are conditioned by the cognitive base in the form of collective and/or individual socially stratified knowledge. It is shown that socially stratified knowledge determines the variability of different language levels and is subject to modeling. Such a cognitive model is a format of socially stratified knowledge, represented by linguistic terminology and the concepts behind the terms. It is emphasized that along with the collective model of variability, there is an individual model of variability. A separate focus is on the cognitive-thematic area of historical terminology. The analysis of the structure of this model reveals the understanding of the terms "horizontal" and "vertical" variation, focuses on the identification of dialects, socio-, regional, island languages and special forms of language existence, sensitive to

their social conditioning. The author substantiates the priority of certain strata of knowledge of the norm and the "signal" sociocognitive signs of deviation from it.

The didactic part of the article, as an "applied" part of science, is devoted to substantiating the status of stylistics as a discipline for studying social meanings in language. A lexicographic objectification of the variability of a word in the mental lexicon is given, the variation of a word appears as a sociolinguistic variable in various forms of language existence, including those reflecting its historical development. The analysis of specific speech patterns shows that in dialect, in comparison with the literary language, there is a clearer reflection of the surrounding world, which is expressed in conceptual differentiation in species-generic semantic relations. Stylistic figures are a didactically important subject of reflection of social knowledge in language. With a common expression function, they perform special cognitive functions. The main referential-cognitive criterion of variation is formulated in the article. It says that a variation of a linguistic expression is based on a relation to the same denotation. We can talk about the logical and structural parameters of variation with the allocation of four ways to change them – substitution (replacement), combination (ordering), addition (addition), elimination (omission). The author presents a classification of stylistic figures characteristic of the first parameter of change – substitution. Stylistically, the relevant figures of substitution are tropes. They convey the general concept of substitution figures in its forms of alteration of expressions and turns of speech, permutations and semantic hyphenation.

Of particular practical importance to the study may be the consideration of sociolinguistic ideas related to the variation of speech to solve the problems of language policy, language security, conflict-free communication and the preservation of national identity, in the development of which the author sees the prospect of research.

Keywords: variability, logical and structural parameters of variation, the knowledge model, socially stratified linguistic knowledge, social meaning, stylistics, linguistic consciousness

Acknowledgement: The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (the topic "Variation system as a structurally significant aspect of natural language") (FSWZ-2024-0001).

For citation: Golubeva N.A. The variability of the German language in the didactic aspect. *Language and Culture*, 2026, 73, pp. 8–25. doi: 10.17223/19996195/73/1

Введение

Научный интерес лингвистов к социальному аспекту языка прослеживается многие десятилетия и даже столетия (У. Аммон, У. Бихель, Н.Н. Болдырев, В.М. Бухаров, П. Визингер, Т.А. ван Дейк, Ю. Ейххоф, А.И. Домашнев, О. Зексауер, В.И. Карасик, Р.Р. Каспранский, Ф. Кауфманн, Л.П. Крысин, У. Лабов, Г. Лёфлер, К. Менг, Н.Б. Мечковская, Г. Мозер, В. Порциг, М. Тернер, Н.И. Филичева, Ю. Франк, М. Фуко, П. Чилтон, А.Д. Швейцер, Й. Шмеллер) [1, 2].

Как показывают новейшие исследования, конкретные задачи этой проблемы ставятся и решаются в области социального знания. В этой области внимание сосредоточивается на обусловленности знания фор-

мами общения, в которых отражаются фундаментальные принципы социального бытия, и она является методологической базой когнитивной социологии [3].

Социальное знание выступает также определяющей и общей когнитивной основой для «социолингвистики» (В.М. Алпатов, У. Аммон, Й. Гумперц, Н. Дитмар, Л.П. Крысин, К. Матгейер, Е.Ф. Тарасов, А.Д. Швейцер), «социальной лингвистики» (Н.Б. Мечковская), «вариационной социолингвистики» (С. Барбур, С.М. Бортони-Рикардо, А. Дуранти, А.В. Кухто, А.Ч. Пиперски, Д. Хаймс, Дж. Холмс, В. Эдвардс), «социокогнитивной лингвистики» (Д. Гирэртс, О.К. Ирисханова, В. Келлер, Д. Кроненфелд, П. Морган) и «когнитивной социолингвистики» (Г. Гревендорф, Г. Мегле, Н.Г. Юзефович).

Предтечей современной социолингвистики были работы отечественных лингвистов начала прошлого века, которые рассматривали язык как общественное явление (В.И. Абаев, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, М.В. Сергиевский, Р.О. Шор, Л.П. Якубинский). Существенный вклад в дальнейшее развитие социолингвистических идей внесли представители научной школы Франции, американские социо- и этнолингвисты – приверженцы идей Ф. Боаса и Э. Сепира, немецкие ученые лейпцигской школы, разработавшие социально-исторический подход к языку с выделением социальной и территориальной диалектологии (Т. Фрингс и др.). Позже социолингвистические идеи получили свое обоснование у сторонников японской школы «языкового существования» в рамках описания языковой ситуации и культуры речи, нашедшей отклик в концепции «языкового существования» Б.М. Гаспарова [4].

В наши дни важнейшими чертами социолингвистики являются отказ от прежнего постулата о прямой зависимости дифференциации языка от социального расслоения общества и признание релевантности исторического аспекта, а именно, того, что дифференциация языка в значительно большей степени обусловлена его прежним, нежели современным состоянием. Сегодня особую актуальность приобретают социолингвистические идеи, связанные с проблемами роли говорящего в варьировании речи, языковой политики, языковой безопасности, бесконфликтной коммуникации и сохранения национальной идентичности [1, 5–11].

Мы рассматриваем когнитивную социолингвистику как *лингвистику социальных смыслов*. Ее объект – *социальная когниция* – понимается как единый социально обусловленный процесс и результат познания, отраженные в языке [12]. Под *смыслом* с позиций обыденного знания понимается *разум, толк, цель существования феномена*. Результативность такого подхода можно прогнозировать, исследуя разные аспекты языка. Например, грамматический аспект в первом приближении

может быть интересен вариантами образования временной формы перфекта. По правилам нормативной грамматики глаголы *stehen*, *sitzen* как обозначающие положение образуют Perfekt с вспомогательным глаголом *haben*. Однако шваб или баварец предпочтет глаголу *haben* глагол *sein* и скажет *Ich bin gesessen / gestanden*, осознавая при этом семантическое различие. Предложение *Ich bin gesessen* обозначает положение тела, а *Ich habe gesessen* – нахождение в местах лишения свободы, а Part. II *gestanden* можно интерпретировать как от глагола *stehen* (стоять), так и от глагола *gestehen* (признавать(ся)). Этот южнонемецкий вариант употребления *stehen* закрепился и в австрийском ареале.

Так сформировалась южными немцами их когнитивная база и языковое сознание. Когнитивная база понимается как структурированная совокупность обязательных знаний и представлений того или иного лингвокультурного общества, которыми обладают все говорящие на данном языке. И здесь ключевую роль играет контекст. Т. Гивон рассматривает контекст как ментальный конструкт. Ученый считает, что коммуникация состоится благодаря тому, что коммуниканты обладают сходными знаниями контекста, т.е. знаниями о лексике, грамматике и общими социокультурными знаниями [13]. Языковое сознание, в свою очередь, представляет собой совокупность образов сознания, объективируемых языковыми средствами. Таким образом, мы уже находимся во власти лингвистики социальных смыслов.

Тесную связь единиц языка и речи с мыслью при изучении различных сторон языка ученые отмечали еще в далеком прошлом. Достаточно вспомнить такие имена, как В. фон Гумбольдт, И.И. Мещанинов, А.А. Потебня, Г. Фреге, А. Шлейхер, и др. Мысль как продукт ментальной деятельности рождается определенными типами и видами знаний и передается разными когнитивными структурами и моделями. Под *моделью знаний* понимается, вслед за О.К. Ирисхановой, «как сама ментальная репрезентация соответствующего фрагмента опыта, так и результат построения (реконструкции) данной репрезентации на основе анализа семантики языковых единиц, выражений, текстов» [14. С. 7].

Методология исследования

Теоретическая модель предлагаемой научной дискуссии определена ведущим тезисом языкознания, ориентирующим языковеда на изучение языка «через призму» его социальной функции. Дальнейшая методологическая установка на обсуждение нашего вопроса основывается на философском разделении А.А. Потебней науки на «чистую» и «прикладную». Прикладная часть в данном случае заключается в использовании анализируемого теоретического и эмпирического материала в преподавании стилистики. В этих же ракурсах мы предпримем моделирование социально обусловленного языкового знания с акцентом на немецкий язык.

Наши общие дидактические размышления в рамках «чистой» науки строятся на допущении о том, что вариационизм / вариация как имманентное состояние языка и речи основывается на социальном знании и реализуется в рамках разных видов вариативности. *Вариативность* мы понимаем как социально обусловленное *свойство* языка, а *варианты* – *единицы, способы и форматы* его выражения. При этом следует отталкиваться от двух центральных установок: 1) для устного спектра вариативности – это *диалект*; 2) для четко структурированных системных единиц – это *стандартный язык (языковая норма)*.

Важность тесной взаимозависимости трех уровней при изучении языка – языковой нормы, языковой вариативности и изменения языка с учетом его исторического развития – в рамках нашей дискуссии найдет отражение в складывающихся отношениях между конкретными формами существования немецкого языка.

Под *немецким языком* понимается в соответствии с принятым металингвистическим определением система современного ново-немецкого языкового стандарта, который служит основой для описания языка во всех известных грамматиках, словарях и школьных учебниках.

Под *формами существования* подразумеваются употребляющиеся в синхронии языковые варианты – диалекты, социолекты, профессиональные языки и др., объединяемые признаком «языковая вариативность». Этим признаком могут быть наделены также различные диахронные (исторические) явления немецкого языка по причине того, что их формы узнаваемы и употребляемы. Они и сегодня отражают рецепцию жизни языка.

Для достижения исследовательской цели использовались общенаучные и специальные методы – анализ, синтез, сравнительно-сопоставительный, интерпретация, когнитивное моделирование, объяснительное описание, концептуально-дефиниционный и др.

Исследование и результаты

Социальная функция языка как методологическая установка вариалогии

Наука, занимающаяся проблемами вариантных образований всех уровней и сторон естественного языка, называется *вариалогией*. В ее рамках выделяется *вариантология* – научное направление о модификациях лексических единиц. Вариантология представляет собой, по сути, укрупнение лексикологии в ее социальном аспекте. Заметный толчок к исследованию социального аспекта языка и развитию вариационизма / ва-

риационизма (variationism) в последней четверти прошлого века наметился с появлением работ одного из основателей социалингвистики, американского ученого Уильяма Лабова (William Labov) [15, 16].

Большой вклад в становление и развитие этой науки в разное время внесли отечественные и зарубежные языковеды. Описанию социальной функции языка и влияния общества на немецкий язык, а оно (влияние) всегда социально, посвящены многочисленные работы ученых (В.А. Аврорин, У. Аммон, С.А. Андерс, С. Барбур, Н. Беренд, П. Браун, И. Верлен, П. Визингер, Д. Гераэртс, М. Гундт, М.М. Гухман, Н. Дитмар, А.И. Домашнев, С.И. Дубинин, В.М. Жирмунский, Х. Зитта, Р.Р. Каспранский, Л.Б. Копчук, Х. Лёффлер, Н.Б. Мечковская, Г. Мозер, Л.И. Москалюк, Е.Р. Сквайрс, П. Традгилл, В. Тюммель, В.В. Федоров, Н.И. Филичева, Н.С. Чемоданов, Б. Шлибен-Ланге, У. Энгель).

Общеизвестно, что когнитивной базой, руководящей нашими речевыми действиями и поступками, являются изначально коллективное и (или) индивидуальное социально-стратифицированное знание [17, 18]. Это проявляется в сущности человека через язык, который, по М. Хайдеггеру, является «домом бытия», и именно в этом заключается социальная функция языка. Язык рассматривается как специфический социальный инструмент хранения и передачи информации, выполняя две главные функции: коммуникативную – «быть важнейшим средством человеческого общения» и когнитивную – «быть непосредственной действительностью мысли» [19. С. 564]. То есть речь идет о взаимовлиянии общества и языка. *Modus ponens*: язык передает *социальные смыслы*.

Ряд ученых разделяют мнение о том, что социальная значимость, отраженная в языковых феноменах, выступает когнитивной дидактической доминантой многих актуальных исследований второй половины XX и первой четверти XXI в. и знаменует для лингвистики, да и когнитивных наук в целом «социальный поворот». Заметим, что термин «поворот» с легкой руки Вильгельма Гумбольдта (1767–1835) как основоположника «лингвистического поворота» стал популярным также в ракурсе «когнитивного поворота» в лингвистике. Однако для отечественного языкознания понимание социальной функции языка было а priori и ранее. Вспомним работы А.А. Потебни ««Мысль и язык»» (1862), А.А. Леонтьева «Язык и разум человека» (1965), «Что такое язык» (1976), труд Л.С. Выготского «Мышление и речь», написанный еще в 1934 г. В них ученые излагали общие сведения о языке и его соотношении с мышлением, обществом и лингвистикой.

Для зарубежного языкознания интерес к социальному аспекту языка этого периода тоже не являлся новым, если вспомнить работу Ж. Пиаже «Речь и мышление ребенка» (1999), а также значительный список исследований в этом смысле конца XX в. Поэтому озвученная учеными мысль о «социальном повороте» в ряде гуманитарных наук, в

частности в когнитивной лингвистике, – очевидная метафора. Если и можно говорить о «повороте» в социальном смысле, то увязывать это следует уже с «донаучной» обращенностью Я. Гримма к «народности языка», начиная с первой четверти XIX в.

Терминология как формат социально-стратифицированного знания

В контексте «чистой» науки попытаемся смоделировать социальное знание о языке. Когнитивной моделью является *формат социально-стратифицированного знания*, репрезентируемый *лингвистической терминологией*.

В этой связи целесообразно начать с *когнитивно-тематической области* исторической терминологии. С конца XIX в. и до 60-х гг. XX в. в многочисленных социолингвистических описаниях преимущественно обсуждалась фонология, частично формообразование, затрагивающее его разные структурные уровни, из-за наличия множества явных отклонений от форм письменного языка. Но в целом научный интерес определялся диалектами местности. Таким образом, исследовалась *горизонтальная* вариация от места к месту и создавалась диалектная география.

Но эта внешняя простота становления вариалогии обманчива, потому что даже в деревнях существуют языковые различия, прежде всего, между старшим и молодым поколением. Особенно актуально это для городов, где еще более четко выражено существование различных, и даже на уровне групп представленных языковых форм, обусловленных возрастом, образовательным цензом, профессией, семьей, на основе которых образуется дополнительная *вертикальная* вариация.

Моделирование любого вида знаний является их структурированием. Для изучения горизонтальной и вертикальной вариации ученые обращались к языковой норме и социальным параметрам общения. Такой подход ориентирует на выделение диалектов, социо-, региолектов, островных языков и особых форм существования языка, так называемых наддиалектных форм (койне, условный язык, язык-пиджин, Lingua Franca, литературный язык), а также других сопредельных форм и способов их представления, чувствительных к их социальной обусловленности.

К настоящему времени утвердился появившийся в 1970-е гг. термин *стандартный язык* (Standardsprache) вместо имевших ранее хождение терминов *литературный язык* (Hochsprache) или еще реже *унитарный язык* (Einheitssprache). Точно так же сегодня предпочтение отдается термину *диалект* (Dialekt), хотя как синоним встречаются еще *диалект, говор* (Mundart). В любом случае оба термина полностью сменили термин *народный язык* (Volksprache), а термин *обиходный язык*

(Alltagssprache) введен в середине прошлого века Вальтером Порцигом, закрепился у Гуго Мозера и известен нам как *разговорный язык* (Umgangssprache).

Диалекты в устном варианте последовательно развились на историко-языковой основе западногерманского, особенно средневерхненемецкого, а также средненижненемецкого и демонстрируют значительные диалектные особенности как больших территориальных пространств говорящих, так и отдельных местных диалектов. Стандартный язык, по единодушному мнению лингвистов, представляет собой устную реализацию относительно целостного письменного варианта восточно-средненемецкого языка (Г.А. Баева, В. Беш, П. Визингер, И. Госсенс, С.И. Дубинин, А.Е. Тетеревенков, Н.И. Филичева и др.).

В свете сказанного логично возникает вопрос к пониманию сопредельного термина *национальный язык* (Nationalsprache). Он понимается как «социально-историческая категория, которая обозначает язык, являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах: устной и письменной» [20. С. 325]. Национальный язык наряду со стандартным и литературным языком относится к наддиалектной форме существования языка. Наддиалектная языковая форма – это языковое образование, которое носители разных диалектов используют при междиалектном общении: 1) на ранних стадиях развития языка – койне; 2) позже – литературный язык. Если наддиалектная форма отсутствует, значит, общенародный языковой стандарт еще не сформировался.

Но даже при взаимодействии нормативных образцов и региональных, прежде всего диалектных языковых единиц, особенно в фонетике из-за конститутивных речевых факторов, таких как артикуляционный базис, произношение и интонация, и далее в морфологии, синтаксисе и лексике наблюдаются территориально весомые различия. Между диалектом и стандартным языком находится многообразный, а потому слабо структурированный, вариабельный промежуточный слой – разговорный язык как балансирующий языковой продукт с четкой ориентированностью на языковой стандарт, невзирая на континуум различных явлений в границах понимания, как в одном, так и в другом направлении.

Поэтому под термином *разговорный язык* (Umgangssprache) понимается все-таки, несмотря на его имеющиеся разночтения, определенная языковая форма. За самим термином стоит понятие досл. *язык ежедневного обихода* (Sprache des (täglichen) Umgangs) и, по сути, этот язык таковым является. Но понимать этот термин в широком смысле следует как обозначение языка повседневного общения, которым по воле (или образовательному цензу) говорящего может быть диалект, разговорный язык или стандартный язык. Это не означает, что немецкий язык, на котором говорят, следует делить в аспекте вариативности только на эти три

страты. Это всего лишь три главных ориентира для исследования множества вариативных форм существования естественного языка.

Для каждого говорящего существуют предпочтительные для него способы и формы говорения, которые зависят от многих социокогнитивных условий: его когнитивных способностей, его социального окружения, коммуникативных задач, статуса и возраста партнеров по коммуникации и др.

Время и интенсивность усвоения индивидуальных способов говорения связаны с определенной фазой развития индивидуума. Вариация наблюдается особенно в разговорном стиле. Она обусловлена, прежде всего, общественными, территориальными и временными факторами, но также субъективным фактором каждого отдельно говорящего в соответствии с его представлениями об узусе языка и ситуативной необходимости.

Важно одно, **за вариантами языка стоят коллективное и (или) индивидуальное социальное знание.** Последнее может формироваться, в том числе языковыми предпочтениями в семье, в виде семейных быличек, историй и просто в память о «так» говоривших в семье раньше. Как считают немецкие лингвисты, социальными сферами влияния на формирование *индивидуальной модели вариативности* являются так называемые высшие авторитеты – семья (родители, братья и сестры), друзья, сверстники, взрослые, соседи (К. Андрутсопулос, И. Верлен, Е. Нейланд, И. Шикорский, Е. Циглер, К. Шмидт, Е. Эрлинг и др.).

Социальное знание питает и лингвистику, и социологию. Обобщенные предпочтительные способы и формы речи индивидуальной модели укореняются в языковом сознании говорящего как отражение знания индивидуальной нормы. Однажды сформировавшееся знание нормы постоянно расширяется у говорящего и может трансформироваться, в том числе из-за практики общения с «говорящими иначе» (по-другому). Примером тому служит язык общения маленьких детей между собой, отличный от того, как они говорят с родителями. Но в конечном счете предпочтение отдается тем способам и формам речи (с учетом коммуникативной практики говорящих), которые ориентированы на литературную норму.

Приоритет определенных страт знания нормы определяется не столько с точки зрения грамматики, сколько по социокогнитивному признаку «по этому дискурсивному факту узнают», «так нельзя говорить», а «так говорят...» и т.п. То есть происходит концентрация на определенных «сигнальных» признаках. Эти социокогнитивные признаки и социальное знание в целом ложатся в основу формирования на современном этапе диалектных концептов [21].

Безусловно, отдельная и очень интересная дискуссия могла бы состояться здесь по поводу термина «диалект» в историческом аспекте.

Однако из-за регламента статьи следует ограничиться дидактически ценным высказыванием швабского исследователя диалектов из Марбурга Фридриха Кауфмана (Friedrich Kauffmann) в далеком 1889 г.: «Сегодняшний опыт показывает, что даже самая маленькая отдаленная деревня сохраняет различные способы говорения, которые в большей или меньшей степени отличаются. Отвлекаясь от разницы в возрасте и поле, ремесленник говорит по-другому, нежели крестьянин, и даже у этого в распоряжении, как правило, множество языковых форм, которые он употребляет произвольно или осознанно. Следует изначально констатировать, что язык меняется вместе с общественным слоем. Каждый общественный слой имеет свою манеру говорения» [22. S. 388] (перевод мой. – Н.Г.).

Уточнить, однако, следует термин «социальный диалект», другими словами «социолект». Он понимается как разновидность национального языка, которая принадлежит определённой социальной группе. Ее язык характеризуется в целом специфической, как правило, стилистически сниженной лексикой, включая фразеологию. В рамках социальных диалектов складывается определенная топология жаргонов (общий жаргон, профессиональные, собственно социальные, социально-групповые жаргоны и др.). Социально-групповые жаргоны являются нелитературным вариантом языка. Они используются в общении представителями некоторых социальных групп и именуются как школьный, студенческий, молодёжный, солдатский, тюремно-лагерный (язык деклассированных элементов) и другие жаргоны.

Стилистика – дисциплина для изучения социальных смыслов в языке

Как заявлено в начале статьи, «прикладная» часть науки, в нашем случае дидактическая часть статьи, посвящена стилистике. Упомянутая выше горизонтальная и вертикальная вариации регистрируются в лексикографических источниках специальными пометами и являются объектом языковой дисциплины «стилистика». Эта дисциплина, без сомнений, нацелена на изучение социальных смыслов в языке.

Социальное знание отражается в разных дискурсивных практиках и на всех языковых уровнях. Это заметно, прежде всего, в ментальном лексиконе, т.е. в своего рода «внутреннем словаре» человека, который хранится в его мозге и содержит всю информацию о словах, которыми он владеет. В ментальном лексиконе содержится лексикографическая объективация вариативности слова. В нем реализуется варьирование слова как социолингвистическая переменная, а именно, взаимозависимость варьирования слова и нормы, распределение и функционирование вариантов слова в разных формах существования языка, в узуальных и

индивидуальных стилях и жанрах, варьирование слова как отражение истории языка.

Рассмотрим лексикографическую объективацию вариативности на конкретном языковом материале. В сравнении с литературным языком в диалекте проступает более четкая рефлексия окружающего мира, понятийная дифференциация в видо-родовых семантических отношениях. В сельском хозяйстве, например, это заметно в названиях разных видов и пород животных. Так, лексема *поросенок* (Ferkel) фигурирует в вариантах *прыщ*, *сосунок* (Pickel), *подросший кастрированный поросенок* (Polk, северо-нем.), *кабан*, *боров* (Eber), *кастрированный кабан* (Borg), *молодняк* (Faselschwiem, южно-нем.). Когнитивно-тематический анализ лексемы *молодая особь свиньи* (Ferkel = junges Schwein) показывает далее, что форма *молочная свинья* (Spanferkel) фигурирует как разговорная, а Wutzelchen – как деревенский вариант [23. S. 239].

В диалекте дифференцируются также языковые формы, затрагивающие большие, чем округ, село и другие территориальные пространства. Например, нейтральным синонимом лексемы *мясник* (Fleischer) выступает Schlächter, но форма Schlachter является уже ее северонемецким вариантом, а форма Metzger имеет хождение в западно- и южнонемецком ареалах. Лексема Selcher легко узнаваема в южнонемецком и австрийском ареалах. Лексемы Fleischhauer / Fleischhacker употребляются в австрийском варианте, а лексема Wurst[1]er характерна для южнонемецкого варианта [25].

Кстати, по поводу синонимии известный немецкий лингвист Рудольф Гоберг заметил, что лишних слов в языке нет. Для этого есть две причины: 1) Не существует ни одного языка, в котором имелись бы полные синонимы. 2) Говорящие и слушающие ни одно слово не считают лишним, иначе они бы их не употребляли [24. S. 172].

Дидактически важным предметом отражения социального знания в языке являются **стилистические фигуры**. Со времен Аристотеля сила риторики определялась стилистическими фигурами, общая функция которых заключается в выражении выразительности, экспрессивности. Реализация этой функции, вне сомнения, достигается вариацией. Самой знакомой нам со школьных времен будет метафора как стилистическая фигура, которая рождается на переосмыслении. Ср.: *Он дышит спокойно* (Er atmet ruhig). *Он вдыхает свободу* (Er atmet Freiheit).

Некоторые образцы такого переосмысления входят в систему языка и становятся «лексической» метафорой, например, **створки ворот** (die Flügel des Tores). А в предложении *Глубокое одиночество широко расправляет прекрасные крылья* (Tiefeinsamkeit spannt weit die schönen Flügel) налицо «стилистическая», ситуативная, метафора [25. S. 465].

Экспрессивность создается и при помощи других языковых средств, например, неожиданным употреблением какого-либо фамиль-

ярно-разговорного выражения или грамматической формы в исключительно официальной коммуникативной ситуации. Это могут быть переход из претерита как «времени повествования» к «стилистическому презенту», интонационные и другие средства. Такие средства также являются стилистическими фигурами. При их общей функции экспрессии они выполняют еще специфические, особые функции: выражение *наглядности, оценки, уточнения, градуирования, характеристики, членения* и мн. др. Утомительным было бы привести десятки в истории риторики и стилистики разработанных, иногда трудно сводимых друг с другом классификаций стилистических фигур.

Мы попытаемся, однако, обозначить **логико-структурные параметры вариации**. В дидактическом плане следует отталкиваться от главного критерия: *Вариация языкового выражения покоится на отношении к одному и тому же денотату*. При этом она может претерпевать четыре логико-структурных изменения. Это – *субституция (замена), комбинация (упорядочение), сложение (добавление), элиминация (опущение)*.

В соответствии с этими понятиями *фигуры замены называются субститутивными, фигуры упорядочения / мены местами – позиционными, добавления – аддитивными, опущения – элиминативными*.

Если углубиться в классификацию стилистических фигур, характерных для первого параметра изменения – субституции, то легко узнаваемым будет термин «тропы». Он передает общее понятие фигур замены в ее разновидностях переделывания выражений и оборотов речи, перестановок и смысловых переносов.

Уже на этом уровне нашему аналитическому уму станет доступна целая палитра разновидностей – вариантов – оформления и знания о языке и знания самого языка, в которых реализуются социальные смыслы.

Заключение

Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода к изучению проблемы языковой вариативности с позиции лингвистики социальных смыслов и лингводидактики. В исследовании сохранена преемственность в разработке научной мысли, оно осуществлено в двух модулях – теоретическом и прикладном.

Можно констатировать, что важнейшие функции языка направлены на выражение социальных смыслов. На социальной функции языка, вытекающей из его главных функций, – коммуникативной и когнитивной – формируется методологическая установка вариалогии. Показано, что концептуальными основами языковой вариативности немецкого языка является коллективное и (или) индивидуальное социально-стратифицированное знание. Предпринято моделирование социально-стратифицированного знания о языке и в языке. Такой когнитивной моделью является формат, репрезентируемый лингвистической терминологией когнитивно-тематической области «вариативность».

В ходе исследования осуществлена лексикографическая объективация вариативности на конкретном языковом материале, которая показала, что целью учебной дисциплины «стилистика» является изучение социальных смыслов в языке. Сформулирован главный в дидактическом плане критерий вариации и обозначены ее логико-структурные параметры.

В свете сказанного вполне очевидны три основных вывода:

1) вариативность любого языка, и немецкого конкретно, в теоретическом и прикладном аспектах является объектом лингвистики социальных смыслов;

2) когнитивной основой вариационизма в языке является социально-стратифицированное знание;

3) стилистика – это лингвистическая дисциплина, нацеленная на усвоение языка, чувствительного к реализации социальных смыслов.

Выполненное исследование не лишено перспективы. Оно видится в более глубоком анализе других терминов и понятий вариационизма, связанных с проблемами глобализации и геополитических событий, а также в детальном рассмотрении логико-структурных и содержательных параметров вариации стилистических фигур в немецком языке.

Список источников

1. *Голубева Н.А.* Власть дискурса и дискурс власти в контексте безопасности национальной идентичности // Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект). Н. Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2024. С. 271–305.
2. *Бухаров В.М., Голубева Н.А.* Социальное знание – когнитивная основа вариационизма немецкого языка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. 2025. Вып. 1 (69). Язык и культура. С. 24–43.
3. *Линч М.* Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки // Социология власти. 2013. № 1-2. С. 155–213.
4. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.

5. **Крысин Л.П.** О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность / отв. ред. Д.Н. Шмелёв. М. : Наука, 1989. С. 78–86.
6. **Grimshaw A.D.** Conflict talk: Sociolinguistic investigations in conversations. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1990. 366 p.
7. **Ray J.L.** R.J. Rummel's Understanding Conflict and War: An overlooked classic? // Conflict Management and Peace Science. 1998. Vol. 16, № 2. P. 125–147.
8. **Муравьева Н.В.** Язык конфликта. М. : Изд-во МЭИ, 2002. 263 с.
9. **Болдырев Н.Н.** Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 25–30.
10. **Болдырев Н.Н.** Роль понятийно-терминологического аппарата в обеспечении бесконфликтной профессиональной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. № 4 (60). С. 44–51.
11. **Голубева Н.А.** Лингвистическая безопасность на все случаи жизни // Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы III Междунар. науч.-образовательного форума 3–4 октября 2019 г. / отв. ред. А.В. Иванов. Н. Новгород : НГЛУ, 2019. С. 77–81.
12. **Голубева Н.А.** Соотношение социальной когниции и языковой нормы в немецком языке // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 30–34.
13. **Givón T.** Context as other minds: the pragmatics of sociality, cognition and communication. Amsterdam : John Benjamin's, 2005. 283 p.
14. **Ирисханова О.К.** Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5–17.
15. **Labov W.** The Social Stratification of English in New York City. Washington D.C. : Center for Applied Linguistics, 1966. 655 p.
16. **Labov W.** Sprache im sozialen Kontext : Beschreibung und Erklärung struktureller und sozialer Bedeutung von Sprachvariation. Kronberg, Ts. : Scriptor-Verl., 1976. 320 S.
17. **Adamzik K.** Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt. Zur Integration der Kategorie 'Beziehungsaspekt' in eine sprechakt-theoretische Beschreibung des Deutschen. Tübingen : Narr, 1984.
18. **Болдырев Н.Н.** Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с.
19. **Слюсарева Н.А.** Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 564–565.
20. **Степанов Г.В.** Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 325.
21. **Болдырев Н.Н., Куликов В.Г.** О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 3. С. 3–13.
22. **Kauffmann F.** Dialektforschung // Kirchhoff A. (Hrsg.): Anleitung zur deutschen Landes- und Volksforschung. Stuttgart: J. Engelhorn, 1889. S. 381–432.
23. **Synonymwörterbuch:** sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / H. Görner, G. Kempcke (Hrsg.). 10, unveränd. Aufl. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1986. 643 S.
24. **Hoberg R.** English rules the World. Was wird aus Deutsch? // Deutsch – Englisch – Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik / R. Hoberg (Hrsg.). Mannheim : Institut für Deutsche Sprache, 2002. S. 171–183.
25. **Michel G.** Stilfiguren // Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie / W. Fleischer, W. Hartung et al. (Hrsg.). 1. Aufl. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1983. S. 464–478.

References

1. Golubeva N.A. (2024) Vlast' diskursa i diskurs vlasti v kontekste bezopasnosti natsional'noy identichnosti [The power of discourse and the discourse of power in the

- context of national identity security] // Problema doveriya molodezhi k obshchestvennym i gosudarstvennym institutam v kontekste obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v usloviyakh provedeniya spetsial'noy voyennoy operatsii (regional'nyy aspekt): Monografiya. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov. pp. 271–305.
2. Bukharov V.M., Golubeva N.A. (2025) Sotsial'noye znaniye – kognitivnaya osnova varitsionizma nemetskogo yazyka [Social knowledge is the cognitive basis of German language variationism] // Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin. 1 (69). Language and culture. pp. 24–43.
  3. Linch M. (2013) Razvivaya Vitgenshteyna: reshayushchiy shag ot epistemologii k sotsiologii nauki [Developing Wittgenstein: A Crucial Step from Epistemology to the Sociology of Science] // Sociology of Power. 1–2. pp. 155–213.
  4. Gasparov B.M. (1996) Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language. Memory. Image. Linguistics of language existence]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye. 351 p.
  5. Krysin L.P. (1989) O rechevom povedenii cheloveka v malyh social'nykh obshchestvennykh (postanovka voprosa) [On human speech behavior in small social communities (question statement)] // Language and personality / Otv. red. D.N. Shmel'gov. M.: Science. pp. 78–86.
  6. Grimshaw A.D. (1990) Conflict Talk: Sociolinguistic investigations in conversations. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 366 p.
  7. Ray J.L. (1998) R.J. Rummel's Understanding Conflict and War: An overlooked classic? // Conflict Management and Peace Science. Vol. 16 (2). pp. 125–147.
  8. Muravieva N.V. (2002) Yazyk konflikta [The language of conflict]. M.: Publishing House of Moscow Energy Institute. 263 p.
  9. Boldyrev N.N. (2022) Beskonfliktnaya yazykovaya kommunikatsiya: programma issledovaniya [Conflict-free language communication: a research program] // Cognitive studies of language. 4 (51). pp. 25–30.
  10. Boldyrev N.N. (2024) Rol' ponyatiyno-terminologicheskogo apparata v obespechenii beskonfliktnoy professional'noy kommunikatsii [The role of the conceptual and terminological apparatus in ensuring conflict-free professional communication] // Cognitive studies of language. 4 (60). pp. 44–51.
  11. Golubeva N.A. (2019) Lingvisticheskaya bezopasnost' na vse sluchai zhizni [Linguistic security for all occasions] // Jazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost': Materialy III Mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma 3–4 oktyabrja 2019 g. / Otv. red. A.V. Ivanov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov. pp. 77–81.
  12. Golubeva N.A. (2022) Sootnosheniye sotsial'noy kognitsii i yazykovoy normy v nemetskom yazyke [The relationship between social cognition and linguistic norms in the German language] // Cognitive studies of language. 4 (51). pp. 30–34.
  13. Givón T. (2005) Context as other minds: the pragmatics of sociality, cognition and communication. Amsterdam: John Benjamin's. 283 p.
  14. Iriskhanova O.K. (2014) Sotsiokognitivnaya lingvistika: struktury sotsial'nykh znaniy i problemy ikh opisaniya [Sociocognitive linguistics: structures of social knowledge and problems of their description] // Questions of cognitive linguistics. 4. pp. 5–17.
  15. Labov W. (1966) The Social Stratification of English in New York City. Washington D.C.: Center for Applied Linguistics. 655 p.
  16. Labov W. (1976) Sprache im sozialen Kontext : Beschreibung und Erklärung struktureller und sozialer Bedeutung von Sprachvariation. Kronberg, Ts.: Scriptor-Verl. 320 p.
  17. Adamzik K. (1984) Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt. Zur Integration der Kategorie 'Beziehungsaspekt' in eine sprechakt-theoretische Beschreibung des Deutschen. Tübingen: Narr. 365 p.

18. Boldyrev N.N. (2019) Jazyk i sistema znanij. Kognitivnaja teorija jazyka: monografija [Language and knowledge system. Cognitive theory of language: a monograph]. 2nd edition. M.: Publishing House Languages of Slavic Culture. 480 p.
19. Sljusareva N.A. (1990) Funkcii jazyka [Language functions] // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Gl. red. V.N. Yartseva. M.: The Soviet Encyclopedia. pp. 564–565.
20. Stepanov G.V. (1990) Natsional'nyy yazyk [National language] // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Gl. red. V.N. Yartseva. M.: The Soviet Encyclopedia. p. 325.
21. Boldyrev N.N., Kulikov V.G. (2006) O dialektnom koncepte v kognitivnoj sisteme jazyka [On the dialect concept in the cognitive system of language] // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. Vol. 65 (3). pp. 3–13.
22. Kauffmann F. (1889) Dialektforschung // Kirchhoff A. (Hrsg.): Anleitung zur deutschen Landes- und Volksforschung. Stuttgart: J. Engelhorn. pp. 381–432.
23. Synonymwörterbuch: sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache (1986) H. Görner, G. Kempcke (Hrsg.). 10., unveränd. Aufl. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. 643 p.
24. Hoberg R. (2002) English rules the World. Was wird aus Deutsch? // Deutsch – Englisch – Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik / R. Hoberg (Hrsg.). Mannheim: Institut für Deutsche Sprache. pp. 171–183.
25. Michel G. (1983) Stilfiguren // Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie / W. Fleischer, W. Hartung et al. (Hrsg.). 1. Aufl. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. pp. 464–478.

Информация об авторе:

Голубева Н.А. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: nagol@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Golubeva N.A., D.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Chair for the Romance and Germanic Philology, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: nagol@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 21.10.2025; принята к публикации 31.01.2026

Received 21.10.2025; accepted for publication 31.01.2026